

Пастухов Николай Иванович

Разбойник Чуркин

Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Разбойник Чуркин: Часть 4 / Пастухов Николай Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 242 с.

ISBN 978-5-521-27338-6

Народное сказание "Старого знакомого". В пяти частях.

ISBN 978-5-521-27338-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Прикажете и его взять? приложивъ руку къ козырьку, кэпи, спросилъ урядникъ.

— Волоки и его, самъ напросился.

Урядникъ забралъ мать съ сыномъ и повелъ ихъ.

— Стой! крикнулъ ему становой приставъ.

— Что прикажете?

— Отпусти ихъ, цѣлы будутъ, понадобятся, такъ зовемъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Старушка съ сыномъ поторопились убраться съ улицы въ свой домъ и затѣмъ уже не показывались.

Его благородіе внимательно оглядѣлъ сани, ковырнулъ нѣсколько разъ палкою застывшую въ нихъ лужу крови, почесалъ у себя за ухомъ, глубокомысленно подумалъ и, обратясь къ уряднику, произнесъ:

— Возьми и отведи эту лошадь ко мнѣ на дворъ, вели отпречь ее и поставить въ конюшню, а сани запри въ сарай.

— Прикажете опись составить?

— Что говорю, то исполняй, я самъ всѣмъ займусь.

Урядникъ исполнилъ приказаніе, взялъ подъ уздцы лошадь и повелъ ее въ конюшню черезъ площадь, а его благородіе пошелъ слѣдомъ за нимъ, сопровождаемый толпою любопытныхъ.

День былъ базарный; громадная площадь съ ея лавками и лавченками, раскиданными въ безпорядкѣ, кишѣла народомъ; яркое зимнее солнце благодатно обогрѣвало послѣ мятели землю и освѣщало своими лучами громадный куполь церкви, покрытый красной листовой мѣдью. Едва только урядникъ показался съ лошадей на площади, народъ окружилъ сани и съ какимъ-то особымъ любопытствомъ глядѣлъ на бывшую въ нихъ кровь. Нѣкоторые обращались къ полицейскому служакъ съ вопросами:

— Скажите, кого это убили?

— Не знаю, отвѣчалъ урядникъ.

— Гдѣ-же убитый?

— Поди, самъ поищи его.

— Прочь, чего вы не видали! гаркнулъ становой приставъ торопившійся за урядникомъ.

— Ничего, ваше благородіе, такъ спрашиваемъ, говорилъ одинъ торговецъ.

— Молчать, прочъ, вамъ говорятъ! кричалъ сотскій.

Но народъ не расходился, а шелъ плотною стѣною за саними, желая узнать, куда ихъ поставятъ, и только тогда разошелся, когда сани были ввезены на дворъ дома канцеляріи.

Вскорѣ все сорока-тысячное населеніе завода узнало о такой кровавой оказіи. Одни говорили, что убить какой-то прасолъ, даже называли его имя, и прибавляли, что трупъ этого человѣка валяется за селеніемъ; другіе увѣряли, что лошадь съ окровавленными санями принадлежала одному мѣстному жителю; словомъ, подобнаго рода рассказамъ не было конца, какъ это всегда бываетъ при такихъ ужасныхъ случаяхъ.

Становой приставъ, возвратившись въ свою канцелярію, послалъ сотскаго за понятыми, и когда они явились, приступилъ къ составленію протокола, который заставилъ писать своего письмоводителя, древняго старичка, служившаго нѣкогда Верхотурскомъ земскомъ судѣ.

— Ну, понятые, не знаете-ли, чья эта лошадь? спросилъ приставъ.

— Не знаемъ, ваше благородіе.

— А какъ вы полагаете, какая въ саняхъ кровь: чело-вѣчья, или нѣтъ?

— Кто ее вѣдаетъ.

— Я думаю, что чело-вѣчья!

— Все можетъ быть, отвѣчали понятые.

Протоколъ былъ написанъ и подписанъ; свидѣтели ушли, а становой приставъ сталъ писать донесеніе къ исправнику.

Въ домъ Тихона Петровича рабочіе и крестьяне—гости изъ деревни Реши, давно уже поднялись на ноги, ничего не зная объ участи своихъ односеленцевъ, сына кузнеца и его дяди. Каторжники встали вмѣстѣ съ ними, сходилъ посмотреть лошадь, прошелся по двору, заглянулъ на улицу изъ любопытства, что на ней дѣлается, и, завидя бродившій по ней не въ обыкновенномъ количествѣ народъ, подумалъ: „должно быть узнали что-нибудь“, и опять вошелъ въ свою избу.

— Ну, что, братъ, опохмѣлился? спросилъ у него дядя Прохоръ.

— Это дѣло мое, отвѣтилъ ему Осипъ, нахмутивши свои брови.

— Звѣрь ты, а не человѣкъ, слова путемъ не скажешь, замѣтилъ ему кто-то изъ мужичковъ.

Осипъ молчалъ, поглядывая изъ-подлобья на православныхъ.

Въ покояхъ Тихона Петровича Чуркинъ всталъ съ постели раньше всѣхъ, одѣлся и началъ прохаживаться по комнатамъ. „Ну, ужь дрыхнуть!“ сказалъ онъ самъ себѣ, надрѣвъ на голову шапочку и вышелъ на дворъ, на которомъ не было ни души, затѣмъ направился въ избу рабочихъ.

При входѣ Чуркина, крестьяне деревни Реши низко поклонились ему, и кто-то изъ нихъ полюбопытствовалъ:

— Наумъ Купріянычъ, поднялись, что-ли, молодые-то?

— Нѣтъ, еще спать, отвѣтилъ онъ.

— Надо-бы побудить, небось, ужь не рано.

— Скоро десять часовъ стукнетъ.

— Хозяинъ, не пора-ли намъ ко дворамъ собираться? обратился Осипъ къ Чуркину.

— Кажись, ужь время, нагостились мы здѣсь; ты пригоствайся, часика черезъ два поѣдемъ.

— Погостилъ-бы еще денекъ, вмѣстѣ-бы и поѣхали! протянулъ дядя Прохоръ.

— Вы порожнемъ, а я съ возомъ, значить, не товарищи, отвѣтилъ ему разбойникъ и вышелъ изъ избы.

— Братцы, смерть, какъ голова трещить, опохмѣлиться нечѣмъ, молодые спать, скоро-ли они встанутъ, неизвѣстно, не пройти-ли намъ въ трактиръ, да чайку напитокъ? предложилъ своимъ собратамъ дядя Прохоръ.

— Что-жь, можно, вскладчину, кстати и опохмѣлимся, заголосили одни.

— Мѣшкать нечего, отправимся, надѣвая на себя полушубки, добавили другіе.

Вскорѣ изба опустѣла; въ ней остался одинъ только каторжникъ, который на приглашеніе мужичковъ быть съ ними въ компаніи, отказался.

Въ залѣ помѣщенія складчика дѣвушки приготовляли столъ для чая; Егоръ Назарычъ приглядывалъ за ними, указывая,

какъ и что гдѣ поставить; тутъ-же находился и Чуркинъ; онъ былъ веселъ и шутилъ съ своими односельниками, которыя на вопросы его отвѣчали съ охотою и конфузились, когда разбойникъ заговаривалъ съ ними о женихахъ. Вышелъ къ нимъ и Тихонъ Петровичъ; всѣ поздравили его съ добрымъ утромъ; Чуркинъ спросилъ его, какъ онъ спать-ночевалъ, и усѣлся съ нимъ за столъ.

— Ну, вотъ, Наумъ Купріянычъ, я обзавелся теперь бабой—хозяйкой, и слава Богу, жизнь потечетъ уже другая, положивъ руки на плечо разбойника и смотря ему прямо въ глаза, проговорилъ молодой складчикъ.

— Что-жъ, и хорошо, я радъ тому, отвѣчалъ Чуркинъ, понурия голову.

— Спасибо тебѣ еще разъ, ты мнѣ въ этомъ много помогъ, могарычи за мной не пропадутъ,—бочку вина отпущу тебѣ сегодня даромъ.

— Благодарствую и на этомъ.

— А поправлюсь дѣлишками и сухими еще награжу.

— Чѣмъ сулить, лучше сегодня соблаговоли!

— Сегодня не могу, а приѣду въ Реши, въ гости къ тестю, тогда, пожалуй, сотевку, другую привезу, а бабѣ твоей шелковое платье:

— Ладно, подождемъ.

— Сказано, значить, свято. Пойду звать свою жену чай пить.

— Ступай, а то мнѣ пора и ко дворамъ собираться.

— Pogosti еще денекъ.

— Не могу, дома, небось, и безъ того меня заждались.

Чуркинъ облокотился на локоть руки и о чемъ-то задумался. Егоръ Назарычъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Что это ты пригорюнился, Наумъ Купріянычъ?

— Такъ, что-то не по себѣ чувствую.

— Выспался-ли хорошо?

— Спать, ничего, голова кружится.

— Не хочешь-ли опохмѣлиться? Пойдемъ въ столовую, тамъ все къ этому готово.

Разбойникъ былъ не прочь отъ предложенія, и они пошли въ сказанную комнату, гдѣ встрѣтили Степавиду, окруженную своими подругами; тутъ-же находилась и мать ея. Молодая была одѣта въ сѣренькое ситцевое платье, изъ-подъ

легоныкаго шелковаго платочка спускалась русая коса, на плечахъ была накинута полубархатная душегрѣйка. Нарядъ этотъ шелъ въ ней какъ нельзя лучше, и молодая въ немъ была прелестна. Чуркинъ взглянулъ на нее изъ подлобья; красота Степаниды кольнула его въ сердце; онъ молча поклонился молодой; она вздрогнула при взглядѣ на разбойника, слегка наклонила передъ нимъ свою головку и прошла въ залу, въ сопровожденіи своего мужа.

— Скоро-ль уйдетъ отъ насъ Наумъ Купріянычъ? тихонько она у Тихона Петровича.

— А что, развѣ онъ кому мѣшаетъ?

— Мнѣ онъ непріятенъ, я какъ-то боюсь его.

— Чего его бояться, вѣдь онъ не медвѣдь?

— Какъ-то сердце мое въ немъ недоброе чуетъ.

— Сегодня его здѣсь не будетъ.

— Ну, и слава Богу, садясь за столъ, на которомъ кипѣлъ большой самоваръ, сказала Степанида и перекрестилась.

Слѣдомъ за молодыми явились къ столу отецъ Степаниды, Чуркинъ и Егоръ Назарычъ, которые, по приглашенію хозяина дома, усѣлись неподалеку отъ него.

Завязался разговоръ о вчерашнемъ днѣ, о гостяхъ; больше всѣхъ говорилъ Егоръ Назарычъ; разбойникъ сидѣлъ молча. Молодая начала разливать чай; лицо ея горѣло румянцемъ; видимо было, что она была не въ себѣ: руки ея дрожали, рѣсницы были опущены.

— Что съ тобой, Степанидушка, здорова-ли ты? спросила у нее старушка послѣ двухъ выпитыхъ чашекъ.

— Ничего, матушка, я здорова.

Тихонъ Петровичъ, въ свою очередь, также замѣтилъ, что молодая его женушка не въ порядкѣ, и сказалъ ей:

— Поди ты лучше въ свою комнату, если нездоровится.

Степанида послушалась, поднялась изъ-за стола и ушла вмѣстѣ съ матерью и мужемъ.

— Что это такое съ ней? спросилъ разбойникъ.

— Ничего; вѣстимо, совѣстится, замѣтилъ староста. Пойдемъ, Наумъ Купріянычъ, пропустимъ еще по одной на дорожку.

— Нѣтъ, довольно, я не хочу, пробормоталъ Чуркинъ, понимая, что Степанида вышла изъ-за стола, благодаря его

присутствію. «Ну, голубушка, напрасно я пожалѣлъ тебя! Осипъ былъ правъ», подумалъ разбойникъ, прихлебывая чай.

Въ передней послышались шаги; это были крестьяне деревни Репи, возвратившіеся изъ трактира.

— Ну, вотъ и наши явились, сказалъ староста и зашагалъ къ нимъ на встрѣчу.

Крестьяне были весьма встревожены и, войдя въ залу, объявили, что съ сыномъ кузнеца и съ его дядею случилось что-то недоброе.

— Что такое, говорите? приставалъ къ нимъ староста.

— Вотъ дядя Прохоръ все расскажетъ, онъ все видѣлъ, повѣся голову, сказалъ одинъ изъ нихъ.

Дядя Прохоръ стоялъ посрединѣ залы какъ-бы чѣмъ ошеломленный; лицо его было блѣдно, губы дрожали.

— Сказывай, что-жъ ты молчишь? приставалъ къ нему староста.

— Нашихъ убили, протянулъ тотъ.

— Кого убили? какъ убили? спросилъ Чуркинъ.

— Сына кузнеца и его дядю уходили.

— Гдѣ, говори ты толкомъ-то? кричалъ староста.

— Видишь-ли ты, пошли мы въ трактиръ чайку попить, началъ дядя Прохоръ; народу тамъ было много, и всѣ говорили о какомъ-то убійствѣ; мы начали прислушиваться: „лошадь, говорятъ, нашли, карюю, съ бѣлымъ пятномъ на лбу“, ну, вотъ мы и спросили, гдѣ эта лошадь, зная, что съ такими примѣтами она была у кузнеца; говорятъ, у становаго пристава на дворѣ стоитъ. Мы туда, показали намъ ее, и что-же? Лошадь-то и вправду кузнецова оказалась, а сани всѣ въ крови.

Староста ахнулъ съ испуга, сказалъ о томъ Тихону Петровичу, а Чуркинъ во все время, слушая рассказъ, стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, и заключилъ, что это была работа Осипа.

Зала наполнилась дѣвушками; тутъ-же стояла старостиха; всѣ осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. По требованію Тихона Петровича, дядя Прохоръ повторилъ еще свой рассказъ.

— Гдѣ-же ихъ убили? спросилъ Егоръ Назарычъ.

— Не знаю, покойниковъ я не видалъ, только сани въ крови видѣлъ у становаго.

— Егоръ Назарычъ, сходи, пожалуйста, къ приставу и узнай отъ него все поподробнѣе.

— Хорошо, сейчасъ сбѣгаю. Я все-таки не вѣрю, не можетъ быть, кто ихъ могъ убить и за что? сказалъ бывшій урядникъ и ушелъ.

— Матушка, не говорите вы объ этомъ ничего Степанидѣ; она и такъ всего боится, обратился Тихонъ Петровичъ къ старостихѣ.

— Зачѣмъ ей говорить, да правда-ли еще? Дядя Прохоръ, можетъ, и зря мелеть небывальщину.

— Поди сама, проверь, если не вѣришь, огрызнулся тотъ.

Крестьяне были приглашены старостой къ выпивкѣ, чему они, конечно, были рады, хотя на душѣ у нихъ и не было весело.

— Наумъ Купріянычъ, а ты что-жъ, за компанію, небось, можешь? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, я уже до васъ выпилъ.

— Пойдемъ, будетъ тебѣ церемониться, вымолвилъ староста, взялъ его за руку и потащилъ къ столу, установленному бутылками и закуской.

— Я все не надивлюсь тому, что случилось съ нашими? протянулъ сквозь зубы разбойникъ.

— Можетъ, и врутъ, вотъ Егоръ Назарычъ узнаетъ.

За выпивкой дядя Прохоръ снова повелъ свой рассказъ о лошади и объ облитыхъ кровью саяхъ.

— Такъ-ли, полно, не ошибся ли ты въ лошади? спросилъ у него Чуркинъ.

— Вотъ еще, вѣрно, чай, я знаю кузнецову лошадь; она у него два года работаетъ.

Чуркинъ пожалъ плечами, чокнулся съ старостою рюмками и выпилъ, что сдѣлали и другіе.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратился Егоръ Назарычъ и заявилъ о примѣтахъ лошади; староста положительно увѣрился, что конь этотъ принадлежитъ кузнецу.

— Сани всѣ кровью облиты, добавилъ прикащикъ.

— А убитые гдѣ? спросилъ Чуркинъ.

— Ихъ не нашли. Становой приставъ общался сейчасъ здѣсь быть.

— Зачѣмъ его принесть? полюбопытствовалъ Тихонъ Петровичъ.

— Допросы хочетъ съ мужиковъ снять.

— Ну его совсѣмъ, и безъ того надобѣль онъ намъ! заключилъ Тихонъ Петровичъ, уходя въ комнату своей жены.

ХСV.

Ошомленные такимъ неожиданнымъ приключеніемъ, крестьяне, пріѣхавшіе изъ деревни Реши на свадьбу складчика, никакъ не могли успокоиться отъ того впечатлѣнія, которое охватило ихъ при видѣ окровавленныхъ саней, принадлежащихъ кузнецу ихъ деревни. Одна мысль, что сынъ владѣльца лошади и его сродникъ убиты, заставляла ихъ отъ страха вздрагивать. Собравшись въ кучку съ своимъ деревенскимъ старостою, они не знали, къ чему приписать такое ужасное преступленіе: убиты-ли несчастные изъ мести или съ цѣлью ограбленія. „Въ первомъ случаѣ, мстить имъ“, думали они, „было некому, да и не за что, а въ послѣднемъ,—если-бы ихъ убили съ цѣлью грабежа,—то разбойники воспользоваться ничѣмъ не могли, кромѣ лошади, а она осталась въ сохранности“. На вопросы мужичковъ, обращенные къ Чуркину о такомъ горестномъ событіи, онъ отвѣчалъ съ соболѣзнованіемъ, но выводить какое-либо заключеніе отказался.

Разбойникъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Ему хотѣлось до прибытія становаго пристава уѣхать изъ завода, что бы не подвергаться какимъ либо допросамъ по поводу исчезновенія двухъ крестьянъ, убійство которыхъ, по своимъ соображеніямъ, онъ прямо относилъ къ Осипу, и соображенія его не обманывали.

Когда въ домѣ Тихона Петровича, послѣ перваго впечатлѣнія о страшной вѣсти, мало-малыски всѣ пришли въ себя и успокоились, Чуркинъ началъ собираться въ путь-дорогу, о чемъ и заявилъ Егору Назарычу.

— Нѣтъ, Наумъ Купріянычъ, безъ обѣда мы тебя не отпустимъ, отвѣтилъ тотъ.

— Благодарствую за все, а остаться не могу: дома теперь

безъ товара сидятъ, продавать нечего, надѣвая на себя тулупъ, отпѣкивался онъ.

— Такъ, постояжь-же, я пойду, скажу Тихону Петровичу: не простившись съ нимъ уѣхать грѣшно тебѣ будетъ.

— Онъ, небось, теперь занятъ; я, можетъ быть, опять скоро приѣду.

— Приѣдешь, милости просимъ, а такъ не уѣзжай, упрасивалъ его бывший урядникъ и поторопился вызвать своего хозяина, который явиться не замедлилъ.

Едва только онъ показался, разбойникъ выступилъ впередъ на нѣсколько шаговъ и сказалъ ему:

— Прощайте Тихонъ Петровичъ, благодарю васъ за хлѣбъ, за соль и за ласки.

— Нѣтъ, пріятель, извини, — я тебя не отпущу; пообѣдаешь съ нами и поѣдешь, произнесъ складчикъ, стараясь снять съ разбойника шубу.

— Нельзя, надо домой; я и такъ позадержался здѣсь, домой давно ждутъ.

— Успѣешь, будешь и дома, вмѣстѣ-бы поѣхали, ввязался въ разговоръ дядя Прохоръ.

— Вамъ что, можно еще недѣлку погостить, а мое дѣло торговое: „дѣвушка пой, а дѣльце помни“.

— Посиди немножко, Наумъ Купріянычъ, пусть работникъ лошадку запряжетъ, сказалъ староста.

— Она, небось, готова.

— Вотъ и нѣтъ, сейчасъ я на дворѣ былъ.

Чуркинъ попросилъ дядю Прохора сказать Осипу, чтобы онъ запрягалъ лошадь, а самъ снялъ тулупъ и вошелъ въ залу. Староста началъ угощать его водкой, и всѣ усѣлись за столъ.

— Разсчетецъ-то за эту бочку за тобой будетъ? спросилъ Егоръ Назарычъ у Чуркина послѣ выпивки.

— Мы все съ нимъ покончили, я деньги получилъ, замѣтилъ Тихонъ Петровичъ.

Чуркинъ слегка поклонился ему.

Въ дверяхъ показался каторжникъ.

— Ну, что, Осипъ, запрегъ лошадь? спросилъ у него разбойникъ.

— Готово! Выѣзжать, что-ли?

— Трогай за ворота, я сейчасъ выйду, отвѣтилъ разбой-

никъ, поднялся со стула, взялъ свою шапочку и снова началъ со всѣми прощаться.

— Погоди немножко, я пойду, Степаниду позову, пусть и она простится съ тобою, пожимая гостю руку, прощѣдиль сквозь зубы складчикъ.

— Зачѣмъ ее беспокоить, вишь она у тебя какая хворуха, лукаво проговорилъ Чуркинъ.

— Нѣтъ, все-таки проститься слѣдуетъ, настаивая на своемъ, говорилъ складчикъ, не показывая вида, что и самъ онъ этого прощанія не желалъ-бы.

Тихонъ Петровичъ отправился за Степанидой, а мужички, одинъ за другимъ, начали упрашивать разбойника передать поклоны ихъ семьямъ и сказать, что черезъ денекъ они прїѣдутъ домой.

— Ну, а что сказать кузнецу? придавъ лицу печальное выраженіе, спросилъ онъ.

— Что знаешь, то и скажи; сильно не пугай, можетъ, они и отыщатся.

— Ладно.

Тихонъ Петровичъ возвратился безъ Степаниды и сказалъ:

— Извини, Наумъ Купріянычъ, жена въ постели лежитъ, головой расхворалась.

— Ну, да, поклонитесь ей отъ меня и поблагодарите за все, надѣвая на голову шапочку, любезно сказалъ Чуркинъ, еще разъ простился и вышелъ, сопровождаемый Егоромъ Назарычемъ, изъ апартаментовъ складчика.

Осипа уже не было на дворѣ; онъ стоялъ съ лошадыю за воротами, поджидая своего атамана. Бывшій урядникъ проводилъ Чуркина до саней, совершилъ рукопожатіе, поцѣловался съ нимъ; разбойникъ сѣлъ въ сани, и лошадка шажкомъ тронулась въ путь.

— Осипъ, это твоя работа? спросилъ Чуркинъ.

— Какая такая, атаманъ?

— Ты убилъ сына кузнеца и его дядю?

— Да, я. А что?

— Гдѣ ты ихъ уложилъ?

— А вотъ поѣдемъ, покажу.

— За что покончилъ съ ними?

— Надоѣли они мнѣ больно, да и давно работы не было, кистень позаржавѣлъ.